

МУЗЫКА, КОТОРАЯ РОДНИТ СЕРДЦА

**СУББОТНИЕ
ВСТРЕЧИ**

Рассказывает народный артист РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР
Александр ВЕДЕРНИКОВ

Ему принесли парик, гуашь, клей. Вглядываясь в свое отражение в зеркале, он не спеша начал гримироваться.

Было интересно наблюдать, как изменилось его лицо: появились тяжелые брови, резко обозначились складки у рта, пролегли морщины на лбу.

А когда у него «отросли» стриженные под горшок волосы и появилась большая, с сединой борода — передо мною сидел уже не Александр Филиппович Ведерников...

Добавляя тени на лицо, он медленно заговорил, как бы про себя: Иван Сусанин — простой русский человек, крестьянин. В его простоте — вся сложность.

Он быстро встал во весь рост, гордо вскинул голову, эффектно поднял вверх руку. Но тут же «скинул» позу оперного героя, сказал просто: «Для Сусанина это не годится»...

Тут принесли из реквизитного цеха тулуп, шапку, валенки и посох — сучковатую кривую палку.

— Да нет... Надо бы обыкновенную прямую палку.

Конечно, Сусанину без посоха никак нельзя, — подумала и я, — опираясь на посох, он будет брести по непроходимым чащам русского зимнего леса, ведя за собою озлобленную стаю «шляхтичей». Но, в общем-то, мелкая деталь.

И сильно ошиблась! Но об этом позже.

В Сусанине — А. Ведерникове вообще было много неожиданного. Был он прост, спокоен, рассудителен. Как, очевидно, все «Сусанины». Но вот он обнял свою дочь Антониду с ее женихом Богданом и широко улыбнулся. Эта неожиданная улыбка и впрямь обогрела всех, как солнышко. И выветила в образе главное — его доброту, даже мягкость.

И все в зрительном зале почувствовали в оперного героя родного русского человека.

Трагическая сцена «В лесу», пединик Сусанина с полянами, — незабываема.

Голос певца — глубокий, сочный бас с такой естественностью и силой передавал все оттенки душевного состояния героя, что добирался до самых сокровенных струн зрительских сердец.

И вот, наконец, взойшла его «последняя утренняя заря». Сусанин — А. Ведерников оставался, брал в обе руки

посох и на словах «окончен путь» с силой отбрасывал его в сторону. Так бесстрашно и открыто он отдавал себя в руки негодующих шляхтичей.

Взволнованные челябинские зрители долго аплодировали...

За кулисами, как всегда, его тепло поздравляли товарищи, артисты и... родные. На спектакле присутствовал брат с семьей. Они приехали из Еманжельска, где до сих пор в маленьком домике живут родители Александра Ведерникова.

У певца позади большой творческий год. В мае Ведерников был приглашен в Италию. В Риме на радиостудии состоялась запись оперы М. Мусоргского «Борис Годунов».

— Состав исполнителей был интернациональным, — рассказывает Александр Филиппович, — нас, советских, было только четверо: М. Решетин, А. Григорьев, дирижер Б. Хайкин и я. Остальные артисты — болгары, итальянцы, румыны. Но пели все на русском языке.

— В сентябре, — продолжает А. Ведерников, — я поехал во Францию, на традиционный фестиваль искусства в город Безансон. Там я исполнил замечательный вокальный цикл М. Мусоргского «Песни и пляски смерти». В октябре — гастроли в Швеции. В Стокгольме и в Мальме я участвовал в концертном исполнении оперы М. Мусоргского «Борис Годунов». Пел партию Бориса с местным филармоническим хором и оркестром.

За границей, к сожалению, мало популярен жанр вокальных камерных концертов. Нам, советским артистам, надо учесть этот печальный опыт зарубежных коллег и ни в коем случае не дать умереть этому важному, нужному жанру.

Помимо постоянной работы в Большом театре Союза ССР я непрерывно пополняю свой концертный репертуар. Особенно интересуюсь вокальными сочинениями современных композиторов. Много, охотно пою романсы и песни Д. Шостаковича, С. Прокофьева.

За обширную концертную программу 1968—1969 гг. А. Ведерников был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

С особой теплотой говорит певец о своей давней дружбе с одним из замечательных современных русских композиторов — Георгием Свиридовым.

— Пропагандировать русскую музыкальную классику, которую теперь признал весь мир, — прекрасное, необходимое дело. Гораздо труднее утверждать новое, современное.

В этом смысле особенно был интересен фестиваль русской и советской музыки, который состоялся в Англии в ноябре этого года. Фестиваль был посвящен 50-летию СССР.

Впервые в Великобритании должна была прозвучать ярко революционная «Патетическая оратория» Г. Свиридова (на слова В. Маяковского). Эту ораторию мы с певицей Н. Исаковой исполняли вместе с Русской хоровой капеллой А. Юрлова под управлением М. Шостаковича в лондонском «Роял-фестивал-холле». Не скрою, все исполнители очень волновались: как воспримет это произведение лондонская публика? Обычно сдержанных лондонцев прямо-таки прорвало! Успех был бесспорный.

Второй концерт у меня был сольный. Первое отделение было составлено из песен М. Мусоргского и М. Глинки. Второе отделение — из сочинений Г. Свиридова. Акомпанировал сам автор.

Концерт прошел успешно. Любопытно, что лондонцы отметили очень важную черту в оригинальном творчестве Г. Свиридова — преемственность. Мы получили массу восторженных похвал и были горды за советское искусство, которое мы представляли.

Е. ЧЕРКАСОВА.